

ВОСПОМИНАНІЯ ПЕРВАГО КАМЕР-ПАЖА

великой княгини Александры Ѳеодоровны.

1817—1819.

Du sprichst von Zeiten, die vergangen sind.

Don Carlos.

„Oh, le bon, le bon vieux temps!“

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ той эпохи, къ которой относятся мои воспоминанія; много событій и малыхъ и великихъ, пропавшихъ безслѣдно и занесенныхъ въ лѣтописи, въ число великихъ страницъ исторіи, совершилось съ тѣхъ поръ; во многихъ изъ тѣхъ событій пришлось и мнѣ быть дѣйствующимъ лицомъ, но дни моего камер-пажества такъ свѣтло озаряли восходящимъ лучемъ надежды начало моего жизненнаго пути, что теперь, на исходѣ того пути, они живо и всецѣло воскресаютъ предъ мной. Есть въ жизни дни и часы, которые впечатлѣваются не только въ памяти, но западаютъ въ душу; впечатлѣнія эти такъ глубоки не отъ того, что случилось что-либо особенное, знаменательное, но просто отъ нашего собственнаго тогдашняго настроенія, и эти впечатлѣнія кажутся не воспоминаніемъ давно прошедшаго, отдѣленнаго цѣлымъ полувѣкомъ, а припоминаніемъ вчерашняго радостнаго дня. Къ такимъ днямъ и часамъ относится время моего камер-пажества. Набрасывая эти воспоминанія, взятыя изъ моихъ камер-пажескихъ записокъ, я и не думалъ отдавать ихъ когда-либо въ печать. Я ихъ писалъ для себя, для своихъ дѣтей; но многіе изъ моихъ друзей, стоящихъ ближе къ тому давно прошедшему времени, а нѣкоторые и жившихъ тою жизнью, уговорили меня подѣлиться этими воспоминаніями съ тѣми, которые интересуются жизнію минувшихъ поколѣній и изучаютъ эту жизнь не по однимъ ея крупнымъ, выдающимся фактамъ, но и по ея мелкимъ частнымъ проявленіямъ.

Въ настоящее время, въ нашемъ обществѣ вообще возбужденъ

интересъ къ мемуарахъ и разсказамъ прошедшихъ лѣтъ. Воспоминанія камер-пажа, конечно, не могутъ имѣть значенія историческаго интереса, но для многихъ онѣ возбуждаютъ въ памяти былые дни ихъ жизни, ихъ молодости, съ которыми соединены и ихъ лучшія воспоминанія.

Годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, вспоминались всегда съ любовью императоромъ Николаемъ—и онъ считалъ ихъ своими лучшими годами.

При представленіи моемъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, въ 1843 году, въ Твери, уже командиромъ Гусарскаго великаго князя Михаила Павловича полка, государыня прямо встрѣтила меня словами:

— Ah bonjour, mon vieux, vieux page. Mon fils m'a dit, que je Vous trouverai ici et déjà comme général.

— Mais Votre Majesté, — отвѣчалъ я, — il y a plus de vingt cinq ans, que j'avais le bonheur de Vous servir comme page.

— Ah c'est vrai! Oh le bon, le bon vieux temps.

Эти слова императрицы я ставлю эпиграфомъ въ воспоминаніяхъ камер-пажа.

I.

Назначеніе меня пажемъ. — Моя родня. — Карлъ Федоровичъ Багвуть.

Отецъ мой, отставной маіоръ, былъ помѣщикъ Полтавской губерніи. Родственныя отношенія моего дѣда къ гр. Разумовскому, любимцу императрицы Елисаветы, открыли моему отцу начало къ блестящей карьерѣ, которою въ то время пользовались лишь знатнѣйшія и вліятельнѣйшія дворянскія фамиліи. Записанный съ малолѣтства въ л.-гв. Измайловскій полкъ, онъ 19-ти лѣтъ вступилъ сержантомъ на службу; но вскорѣ перешелъ въ легко-конный малороссійскій полкъ маіоромъ и затѣмъ, по случаю смерти моего дѣда, оставилъ службу и поселился въ своемъ переяславльскомъ имѣніи.

Переяславль, въ то время, имѣлъ своего коменданта въ лицѣ полковника Якова Максимовича фон-Фока, служившаго въ арміи фельдмаршала Румянцева и, должно полагать, служившаго хорошо и честно, потому что Румянцевъ полюбилъ его, доставилъ ему это мѣсто, а потомъ сдѣлалъ главноуправляющимъ своего огромнаго гомельскаго имѣнія, пожалованнаго ему Екатериною II. У фон-Фока было много дѣтей. Изъ нихъ я упомяну только о

моемъ дядѣ, Максимѣ Яковлевичѣ—бывшемъ начальникѣ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, о которомъ такъ сочувственно отзывается Гречъ въ своихъ запискахъ, и о его двухъ сестрахъ: Евѣ Яковлевнѣ—моей матери и Елисаветѣ Яковлевнѣ, выпедшей замужъ за Карла Ѳедоровича Багговуть, вполсѣдствіи героя отечественной войны, родству съ которымъ я и обязанъ опредѣленію меня въ пажескій корпусъ, и о которыхъ потому позволю себѣ поговорить немного подробнѣе.

Изъ патента, сохраняющагося у меня, видно, что маркграфъ аншпах-байрейтской службы, капитанъ Карлъ-Густавъ фон-Багговуть принятъ въ російскую службу подпоручникомъ 1779 г., марта 4-го дня.¹⁾ Когда онъ познакомился съ семействомъ фон-Фоба, онъ служилъ уже капитаномъ въ арміи Румянцева, въ Сибирскомъ гренадерскомъ полку кн. Дашкова, который квартировалъ въ Кіевѣ, гдѣ и женился на Елисаветѣ Яковлевнѣ. Ихъ взаимная привязанность осталась неизмѣнною до того рокового дня, когда французское ядро вырвало его изъ рядовъ защитниковъ русской земли. У меня хранятся письма Карла Ѳедоровича къ его женѣ, и послѣднее его письмо, за три дня до тарутинской битвы, также нѣжно, также наполнено изліяніями горячей любви и тоски о разлуцѣ, какъ и письмо 1794 г., когда онъ въ первый разъ былъ разлученъ съ своею молодою женою.

Въ 1794 году Багговуть, съ своимъ полкомъ, стоялъ въ Варшавѣ. Неожиданно ночью подъ свѣтлый праздникъ ударили тревогу и Варшава разразилась бунтомъ. Нашъ небольшой гарнизонъ, застигнутый въ располхъ, долженъ былъ ее оставить и малыми частями пробиваться за Вислу, а наши военныя дамы: княгиня Гагарина, Чичерина, Багговуть и другія остались въ Варшавѣ плѣнницами поляковъ. Ихъ помѣстили въ королевскомъ замкѣ, не выпускали изъ стѣнъ его и грубо повѣряли каждый вечеръ переключкой. Печально было положеніе плѣнницъ, въ чи-

---

¹⁾ Отецъ моего дяди, генерала Багговута, по примѣру многихъ того времени дворянъ, какъ русскихъ, такъ въ особенности остзейскихъ губерній, купилъ для четырехъ своихъ сыновей патенты на военные чины аншпах-байрейтской службы, въ которой они однако-жъ никогда не состояли. Таковыя патенты можно было приобрѣтать у разныхъ мелкихъ германскихъ владѣтелей и этотъ не вѣтъ вообще доступный способъ для поступленія въ російскія войска прямо съ офицерскимъ чиномъ—правительствомъ допускался.

Примѣч. Гр. В. Ѳ. Адлерберга 1-го.

слѣ которыхъ была и вдова кн. Гагарина, убитаго при выступленіи нашихъ войскъ изъ города. Не менѣе страдалъ и Багговуть, такъ внезапно разлученный съ любимою женою. Его письма къ женѣ дышать юношескою свѣжестью и восторженностью шиллеровской эпохи. Въ нихъ онъ изливаетъ свою скорбь и любовь, упрекаетъ себя въ томъ, что сдѣлалъ ее несчастною, вырвавъ изъ семейства и лишивъ перваго блага жизни — свободы. Онъ хлопоталъ и старался освободить ее изъ плѣна; писалъ два раза къ генералу Костюшкѣ, умоляя его освободить жену и княгиню Гагарину—и даже предлагалъ въ замѣнъ ихъ испросить у главнокомандующаго освобожденія двухъ плѣнныхъ капитановъ польской службы. Но все было напрасно и наши дамы оставались плѣнницами поляковъ до Суворовскаго штурма.

«Нельзя себѣ вообразить,—разсказывала впоследствии Елисавета Яковлевна,—что перестрадала я во время этого штурма; а онъ длился и длился, казалось, безъ конца. Пушечные выстрѣлы напоминали мнѣ объ опасности моего мужа, который былъ въ арміи Суворова—и я заливалась слезами. Неистовыя вопли толпы подъ нашими окнами и грозные взгляды нашихъ стражей ошпарили на минуту эти слезы и я трепетала уже за себя, припоминая всѣ ужасы тогдашнихъ парижскихъ событій. Наконецъ, послѣ долгихъ мучительныхъ часовъ, пушечная пальба утихла, стража исчезла, водворилась тишина, прерываемая только вздохами и молитвами бывшихъ со мною женщинъ. Тутъ я внезапно очнулась, вскочила, набросила на себя первый попавшійся мнѣ подъ руку платокъ и выбѣжала изъ замка».

Багговуть, послѣ кроваваго штурма, бросился въ Варшаву отыскивать свою жену. На Прагскомъ мосту встрѣтились и обнялись супруги.

Воцареніе Павла застало Багговута генераломъ и командиромъ 4-го егерскаго полка. Онъ квартировалъ въ какомъ-то небольшомъ городкѣ въ Литвѣ.

«Страшное это было время,—говорила Елисавета Яковлевна,—каждый разъ, услыша почтовый колокольчикъ, мы приходили въ тревогу, умолкали, блѣднѣли и прислушивались. Когда колокольчикъ замиралъ вдаль, мы, улыбаясь, взглядывали другъ на друга, какъ-будто что-то страшное пронеслось мимо и радовались, что успѣли уклониться отъ чего-то грознаго, роковаго».

Но однажды злобѣщій почтовый волокольчичъ умоляе у самой квартиры Багговута. Входитъ новый полковой командиръ съ императорскимъ указомъ, что Багговуть отставленъ отъ службы. За что? Никто не зналъ—да тогда этого и не спрашивали. Тогда воля Павла была тоже, что непостижимая судьба. Она неожиданно, внезапно иныхъ возвышала, другихъ уничтожала. Это былъ фатумъ древнихъ—неумолимый, безпричинный.

Елисавета Яковлевна продала свой гардеробъ, свои дорогія вещи, которыхъ было немного. Багговуть сдалъ полкъ, расплатился съ долгами и молодая чета, въ жидовской бричкѣ, налегкѣ отправилась въ Гомель. Фон-Фокъ приютилъ ихъ и назначилъ зятя своего, Багговута управляющимъ однимъ изъ фольварковъ гомельскаго имѣнія. Тутъ, вблизи своего семейства, Елисавета Яковлевна и ея мужъ отдохнули и оправились отъ постигшаго ихъ такъ неожиданно удара. А ударъ этотъ былъ слѣдствіемъ ошибки. Багговуть, вступивъ въ русскую службу, отбросилъ окончаніе своей фамиліи и сталъ называться просто Багго. Такъ онъ подписывался и на письмахъ къ женѣ и на официальныхъ бумагахъ до вторичнаго поступленія на службу и только подъ этой фамиліей былъ извѣстенъ. Въ одно время съ Багговутомъ другимъ егерскимъ полкомъ командовалъ генералъ Балла, убитый также въ отечественную войну подъ Смоленскомъ. Этотъ генералъ представилъ къ производству въ офицеры своихъ подпрапорщиковъ, упустивъ изъ виду, по незнанію или невниманію, недавно отданное повелѣніе Павла, чтобы впредь всѣхъ унтер-офицеровъ изъ дворянъ именовать не подпрапорщиками, а юнкерами. Ошибся-ли докладчикъ представленіемъ или самъ императоръ ошибочно прочелъ фамилію, вспомнивъ ту, которая была ему болѣе извѣстна, такъ какъ сестра Карла Федоровича Багговуть, Юлія Федоровна Адлербергъ, находилась тогда при малолѣтнихъ в. кн. Николаѣ и Михаилѣ, но дѣло въ томъ, что вина генерала Балла пала всею тяжестью на неповиннаго генерала Багго. Такое явное неисполненіе высочайшаго указа прогнѣвило Павла—и онъ, по обыкновенію своему, вспыльчивый и скорый, не ожидая справокъ и объясненій, на томъ же представленіи написалъ собственноручно резолюцію: «генерала Багго отставить». Противъ рѣшенія Павла не могло быть опроверженій и виновный въ случайной замѣнѣ двухъ однозвучныхъ фамилій, если онъ

былъ и созналъ даже свою ошибку, конечно, не посмѣлъ признаться въ ней императору.

Война 1799 года и нашъ походъ въ Италію, для участія въ которомъ, по повелѣнію императора Павла, было разрѣшено отставнымъ генераламъ и офицерамъ явиться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу, вызвалъ въ числѣ прочихъ и Багговута. Карлъ Ѳедоровичъ пускается въ путь, пріѣзжаетъ вечеромъ въ Петербургъ и готовится на другое утро представиться военному губернатору. Но опять неожиданный ударъ судьбы. Въ ночь является въ нему полицейскій чиновникъ и объявляетъ, что, по волѣ государя, всѣ въѣхавшіе черезъ гатчинскую заставу въ такомъ-то часу въ столицу, должны немедленно въѣхать обратно и что онъ присланъ его проводить за заставу, такъ какъ и Багговутъ въѣхалъ въ столицу въ этомъ часу, что видно изъ записки караульнаго офицера у гатчинской заставы. Дѣлать было нечего. Карлъ Ѳедоровичъ въ ту же ночь поѣхалъ обратно въ Гомель хозяйничать въ маленькомъ фольваркѣ. Но что же вызвало это поголовное изгнаніе всѣхъ въѣхавшихъ въ Петербургъ черезъ гатчинскую заставу? Дѣло было въ томъ, что въ этотъ же день императоръ Павелъ въѣзжалъ въ городъ, возвращаясь изъ Гатчины. У заставы придворная кухня шведскаго короля, въѣзжавшая также въ городъ, задержала экипажъ государя. Павелъ, не любившій Густава IV, за неудавшееся сватовство на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, раздосадованный его безтактнымъ поведеніемъ во время пребыванія въ Петербургѣ, а въ этотъ день разгнѣванный до-нельзя отказомъ, по желанію императора, дать орденъ Серафима гр. Кутайсову, отдалъ повелѣніе выпроводить за заставу всѣхъ, кто въ этомъ часу въѣзжалъ въ городъ. Вслѣдствіе чего и придворная кухня и русская свита, назначенныя сопровождать короля были высланы изъ города и Густавъ IV, съ своею свитою, продовольствовался до границы стараніемъ какого-то финскаго пастора.

Съ воцареніемъ императора Александра I служебная карьера Карла Ѳедоровича окончательно установилась. Багговуту было возвращено старшинство, такъ что онъ въ 1804 году былъ уже произведенъ въ генерал-лейтенанты. Участвуя съ тѣхъ поръ съ отличіемъ во всѣхъ кампаніяхъ противъ Наполеона, онъ до самой смерти пользовался особенною милостію государя. Въ 1811 г.,

9-го февраля, изъ города Шавли, Карлъ Оедоровичъ увѣдомилъ моего отца, что императоръ, по его просьбѣ, повелѣлъ опредѣлить меня пажемъ къ высочайшему двору.

Въ 1812 году, 6-го октября, Багговутъ, командуя 2-мъ корпусомъ, въ головѣ наступательнаго нашего движенія на французской авангардѣ при Тарутинѣ, былъ убитъ первымъ непріятельскимъ ядромъ. Это былъ первый пушечный выстрѣлъ послѣ занятія французами Москвы. Онъ былъ какъ бы сигналомъ перелома въ отечественной войнѣ. Съ него начались несчастія французевъ и наши побѣды.

Геройская смерть Карла Оедоровича нанесла страшный ударъ Елисаветѣ Яковлевнѣ. Несмотря на всѣ царскія милости, она долго не могла утѣшиться. Лѣтомъ, въ 1813 году, она поѣхала въ Калугу и жила въ монастырѣ, въ оградѣ котораго похороненъ Карлъ Оедоровичъ. Потомъ пріѣхала къ сестрѣ своей, моей матери, въ деревню, взяла меня съ собою въ Петербургъ и помѣстила въ пансіонъ пастора Коленса, который считался тогда однимъ изъ лучшихъ частныхъ училищъ.

Не долго я пробылъ въ пансіонѣ Коленса. По особенной просьбѣ къ императору Александру, который никогда ни въ чемъ не отказывалъ вдовѣ генерала Багговута, я былъ принятъ въ пажескій корпусъ. Это было въ концѣ 1815 года.

II.

Пажескій корпусъ. — Пажи, ихъ начальство и обученіе.

Право быть опредѣленнымъ пажемъ къ высочайшему двору считалось особенной милостью и предоставлялось только дѣтямъ высшихъ дворянскихъ фамилій. Кромѣ того, пажескій корпусъ въ то время былъ единственное заведеніе, изъ котораго камерпажи, по своему выбору, выходили прямо офицерами въ полки старой гвардіи, куда стремилось все высшее и почетнѣйшее дворянство. При такихъ условіяхъ поступленіе въ пажескій корпусъ представляло значительныя затрудненія.

Пажескій корпусъ хотя находился и въ то время въ числѣ военно-учебныхъ заведеній, причемъ состоялъ подъ начальствомъ главнаго начальника этихъ заведеній, но во многомъ рѣзко отличался отъ нихъ. Это былъ скорѣе аристократическій придвор-

ный пансіонъ. Пажи отличались отъ кадетовъ своимъ обмундированіемъ: мундирное сукно было тонкое, вмѣсто кивера они имѣли трех-угольную офицерскую шляпу и не носили при себѣ никакого оружія. Одни камер-пажи имѣли шпаги. Пажи не дѣлились какъ кадеты, на роты, — но на отдѣленія. Вмѣсто ротныхъ командировъ у нихъ были гувернеры; вмѣсто батальоннаго командира — гофмейстеръ пажей. Пажи часто требовались во дворецъ въ высочайшимъ выходамъ. Ихъ разставляли по обѣимъ сторонамъ дверей комнатъ, чрезъ которыя должна была проходить императорская фамилія. Въ этомъ случаѣ особенно забавны были маленькіе пажи. Съ завитою, напудренною головою, съ большою трех-угольною шляпою въ рукѣ, они гордо стояли, съ важной миной сознанія своего достоинства. Служба эта очень нравилась пажамъ, они ею тщеславились и по нѣскольку дней не смывали пудры съ головы, а иногда вновь припудривались, чтобы заявлять, что они были при дворѣ. Мнѣ одинъ разъ случилось исполнять службу пажей елисаветинскаго времени, когда для торжественныхъ поѣздовъ были устроены особыя, большія, парадныя, вызолоченныя кареты, которыя возились восемью лошадьми шагомъ. На переднихъ рессорахъ этихъ каретъ были устроены небольшія круглыя сидѣнья. На эти сидѣнья (ихъ называли пазами) сажали пажей лицомъ къ каретѣ, спиной къ лошадямъ.

Мать Екатерины II, принцеса Ангальт-Цербтская, описывая своему супругу брачный и торжественный поѣздъ ихъ дочери, будущей императрицы Екатерины, говоритъ про карету Елисаветы Петровны: «c'est un petit chateau», прибавляя, что за каретой, на запяткахъ, стояли два камер-пажа, а на каретѣ принцессы Гессен-Гомбургской, слѣдовавшей въ томъ же поѣздѣ, — на пазахъ сидѣли два пажа, по ея словамъ: «deux pages couchés sur les sangles».

Въ 1816 году императоръ Александръ приказалъ въ одной изъ такихъ каретъ возить во дворецъ, на торжественныя аудіенціи персидскаго посла и, при прощальной аудіенціи, я былъ назначенъ съ пажемъ Грессеромъ сидѣть на пазахъ.

Бывшій Мальтійскій дворецъ, домъ бывшаго государственнымъ канцлеромъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ графа Воронцова, занимаемый пажескимъ корпусомъ, не былъ еще приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія и носилъ всѣ при-

знаки роскоши жилища богатаго вельможи XVIII столѣтія. Великолѣпная двойная лѣстница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этажъ, гдѣ помѣщались дортуары и классы. Въ огромной залѣ, въ два свѣта, былъ дортуаръ 2-го и половины 3-го отдѣленій; въ другихъ большихъ трехъ комнатахъ помѣщались другая половина 3-го и 4-е отдѣленіе. Первое же отдѣленіе малолѣтнихъ тѣснилось въ низкомъ антресолѣ, устроенномъ изъ комнатъ, назначенныхъ для прислуги и хора для музыки.

Всѣ дортуары и классы имѣли великолѣпные плафоны. Картины этихъ плафоновъ изображали сцены изъ Овидіевыхъ превращеній, съ обнаженными богинями и полубогинями. Въ комнатѣ 4-го отдѣленія, гдѣ стояла моя кровать, на плафонѣ было изображеніе освобожденія Персеемъ Андромеды. Безъ всякихъ покрововъ прелестная Андромеда стояла привоанная къ скалѣ, а передъ нею Персей, поражающій дракона.

Непонятно, какъ никому изъ начальствующихъ лицъ не пришло на мысль, что эти мифологическія картины тутъ вовсе не у мѣста, что безпрестанное невольное созерцаніе обнаженныхъ прелестей богинь можетъ пагубно дѣйствовать на воображеніе воспитанниковъ — и что гораздо цѣлесообразнѣе было бы снять эти дорогие картины (говорятъ онѣ были очень цѣнны) продать и на эти деньги устроить хоть небольшую библиотеку и физическій кабинетъ. Этихъ вспомогательныхъ пособій образованія вовсе не было. Но главное начальство мало интересовалось нами.

Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, в. в. Константинъ Павловичъ жилъ въ Варшавѣ и ни разу не посѣтилъ корпуса.

Заступающій его мѣсто генераль Клиндгеръ занимался нѣмецкою литературою и писалъ философскіе романы. Это былъ человекъ желчный, сухой, угрюмый, одинъ изъ первыхъ писателей реальной школы въ Германіи. Директоръ корпуса, генераль Гогель, былъ членомъ ученаго артилерійскаго комитета — и какъ артилеристъ болѣе интересовался пушками-единорогами, нежели пажами. Инспекторъ классовъ полковникъ Odé de Sion, французскій эмигрантъ, любилъ болѣе хорошее вино, хорошей обѣды и свою масонскую ложу, въ которой онъ занималъ мѣсто великаго мастера. Иногда, въ послѣобѣденные часы, предъ тѣмъ, чтобы отправиться въ ложу, приходилъ онъ въ классы и тамъ,

гдѣ не было учителя, садился подремать на кафедрѣ. Одинъ нашъ гофмейстеръ, полковникъ Клингенбергъ, былъ къ намъ близко и жилъ нашею жизнью. Это былъ душа-человѣкъ, простой, ласковый, симпатичный, хотя кривлявый. Пажи любили, уважали и боялись его, но кругъ его дѣятельности былъ ограниченъ наблюденіемъ за порядкомъ и приготовленіемъ пажей къ военной службѣ.

По окончаніи утреннихъ уроковъ, въ 12 часовъ собирались пажи въ небольшую рекреационную залу, строились по отдѣленіямъ, приходилъ очередной ежедневный караулъ изъ 10-ти пажей, барабанщика и камер-пажа, являлся Клингенбергъ и дѣлалъ разводъ по всѣмъ правиламъ тогдашней гарнизонной службы. Карауломъ командовалъ дежурный по корпусу камер-пажъ. Это было единственное фронтовое образованіе пажей. Не было ни ночной выправки, ни ружейныхъ приемовъ, ни маршировки, кромѣ маршировки въ столовую, причемъ пажи немилосердно топали ногами. Правда, лѣтомъ одинъ мѣсяць посвящался обученію фронта — но это было больше для камер-пажей, которые, какъ офицеры, командуя маленькими взводами въ 5 рядовъ, съ большимъ стараніемъ изучали тогдашній мудреный строевой уставъ и всѣ трудныя дешюады съ контр-маршемъ и построеніе ан-эшекіе. Что же касается до научнаго образованія, то въ то время и мы, какъ и всѣ, по метвому изреченію Пушкина, учились немного чему-нибудь и какъ-нибудь.¹⁾

Въ пажескомъ корпусѣ науки преподавались безъ системы, поверхностно, отрывочно. Изъ класса въ классъ пажи переводились по общему итогу всѣхъ баловъ, включая и балы за поведеніе, и потому нерѣдко случалось, что ученикъ, неокончившій ариметики, попадалъ въ классъ прямо на геометрію и алгебру. Въ классѣ исторіи рассказывалось про Олега коня и про то, какъ Святославъ ѣлъ воблытину. Нѣсколько задачъ Войцеховскаго и формулы дифференціаловъ и интеграловъ, вызубренные на память, со-

¹⁾ Сужденія о бывшихъ начальствующихъ лицахъ пажескаго корпуса не совсѣмъ справедливы, равно какъ сужденія о преподаваніи наукъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что было во время моего пребыванія въ корпусѣ. Конечно, тогдашнее образованіе учениковъ стояло гораздо ниже уровня теперешняго, но все-таки оно не было такъ ничтожно, какъ говоритъ о томъ авторъ записокъ.

ставляли высшую математику. Профессоръ Бутырскій училъ русской словесности и упражнял насъ въ хрияхъ и другихъ риторическихкихъ фигурахъ. Въ первомъ классѣ у камер-пажей былъ даже классъ политической экономіи. «L'économie politique — читалъ морской чиновникъ, эмигрантъ Тибо, на французскомъ языкѣ — est une science, d'après laquelle les richesses se forment, se distribuent, s'accroissent ou diminuent chez les nations; ces quatre grands phénomènes de la richesse résultent du concours de diverses circonstances, qui feront le sujet des titres suivans»... Это краснорѣчивое начало курса политической экономіи осталось у меня еще въ памяти до настоящаго времени, служа доказательствомъ того метода заучиванья наизусть, которому держались наши педагоги.

Чиновникъ горнаго вѣдомства, Вольгсмуть, читалъ намъ физику—но также безъ системы и не умѣя придать ей никакого интереса. Почти каждый классъ его начинался тѣмъ, что пажи окружали его и просили, чтобы въ слѣдующій классъ онъ показалъ фокусы. Вольгсмуть сердился, говорилъ, что это не фокусы, а физическіе опыты. Пажи не отставали, пока онъ не соглашался съ условіемъ, чтобы на необходимыя для этого издержки было приготовлено 3 — 5 рублей. Эти деньги собирались складчиной, но иначе какъ мѣдными. Когда на слѣдующій классъ являлся Вольгсмуть съ пузырьками и машинками, пажи сыпали на столъ свои пятаки, а онъ, краснѣя, конфузясь, торопливо собиралъ ихъ, завязывалъ въ платокъ и пряталъ въ уголокъ кафедры. Какъ теперь вижу эту жалкую фигуру, въ черныхъ лосинныхъ панталонахъ, въ синемъ мундирѣ съ засаленнымъ, вышитымъ бархатнымъ воротникомъ, и вѣчно жующую фіалковый корень.

Но если преподаваніе наукъ было отрывочно и вообще слабо, то нравственное настроеніе пажей было особенно замѣчательно. Почти всѣ сыновья аристократовъ и сановниковъ — пажи изъ своихъ семействъ приносили въ корпусъ и укореняли тогдашній лозунгъ высшаго общества «noblesse oblige» и щекотливое понятіе о «point d'honneur». Гордясь званіемъ пажей, они сами болѣе своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого бы могла падать хотя тѣнь подозрѣнія въ какомъ-нибудь неблаговидномъ проступкѣ. Не такъ страшно было наказаніе, ожидавшее виновнаго отъ начальства, какъ то отчужде-

ніе, тотъ остракизмъ, которому неминуемо подвергался онъ среди своихъ товарищей. Во время этой опалы товарищи не приближались къ нему, не говорили съ нимъ. Только маленькіе паж-задоры, вертѣлись около него, дразнили, а онъ долженъ былъ молчать и терпѣть. Въ первое время моего пребыванія случилась извѣстная печальная исторія о пропажѣ табакерки, въ которой были замѣшаны пажи Баратынскій, впоследствии поэтъ, Ханьковъ и Преклонскій. Пока шло официальное разбирательство этого дѣла, окончившееся для нихъ солдатскою шинелью, они оставались въ Пажескомъ корпусѣ, но всѣ пажи отшатнулись отъ нихъ, какъ преданныхъ остракизму нравственнымъ судомъ товарищей. Къ Баратынскому приставали мало, отъ того-ли, что считали его менѣе виновнымъ, или отъ того, что мало его знали, такъ какъ онъ былъ малособщителенъ, скромнѣе и тихаго нрава.¹⁾ Но много досталось отъ пажей Ханькову, котораго прежде любили за его веселыя шутки, и Преклонскому, который былъ извѣстенъ шалостями и приставаніемъ къ другимъ.

Тѣлесное наказаніе составляло рѣдкое исключеніе. Во все время пребыванія моего въ корпусѣ, мнѣ пришлось только одинъ разъ присутствовать на такой экзекуціи, я былъ уже камер-пажемъ. Въ рекреационную залу собрались пажи къ разводу, куда (къ немалому удивленію всѣхъ) явился и генераль Клиндеръ. Прочитали приказъ о наказаніи пажѣ Л* розгами. Сторожа привели его изъ карцера, принесли розги и скамейку. Клиндеръ все время молчалъ, а когда Л* раздѣвали и клали на скамейку, — вышелъ изъ залы. Тогда пажи бросились съ шумомъ на сторожей и освободили Л*. Но Клиндеръ былъ недалеко. Онъ возвратился, схватилъ перваго попавшагося ему пажѣ, втащилъ въ средину и, тряся его за воротникъ, закричалъ: «*Mais savez vous qu'on brûle tout cela*». Пажи отбѣжали и построились по отдѣленіямъ; возстановилась тишина. Л* положили на скамейку, началась экзекуція и Клиндеръ ушелъ, не промолвивъ болѣе ни одного слова. Къ чему онъ относилъ свою угрозу, осталось неизвѣстно: къ возстанію-ли пажей или къ винѣ Л*, а вина его, какъ говорили, была та, что онъ, желая въ воскресенье выйти изъ корпуса, самъ написалъ записку отъ имени родственника, къ которому отпускаясь.

¹⁾ См. статьи: «Е. Баратынскій по бумагамъ Пажескаго корпуса», «Русская Старина» 1870 г., т. II, стр. 201—207, и замѣтку сына поэта, тамъ же, стр. 315—317.

Эти записки объ отпускѣ много стѣсняли пажей. Въ корпусѣ было извѣстно, кто къ кому отпускаялся во время праздниковъ и безъ записки отъ того лица не давали позволенія выходить. Кромѣ того, пажи нигдѣ не должны были показываться безъ сопровожденія слуги или кого-нибудь изъ родственниковъ. Только камер-пажи имѣли право оставлять корпусъ безъ записокъ, ходить по улицамъ безъ провожатаго и сидѣть въ креслахъ въ театрѣ.

Между моими воспоминаніями о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ Пажескомъ корпусѣ, я считаю не лишнимъ упомянуть и о посѣщеніяхъ корпуса графомъ Аракчеевымъ. Эти посѣщенія были вызываемы находженіемъ въ корпусѣ Шумскаго, поступившаго въ пажи какъ родственникъ Аракчеева, хотя—когда мы находились съ нимъ вмѣстѣ въ пансіонѣ Коленса — онъ назывался Федоровымъ. Аракчеевъ часто пріѣзжалъ въ корпусъ по вечерамъ; молчаливый и угрюмый, онъ приходилъ прямо къ кровати Шумскаго, садился и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нимъ. Не очень-то любилъ Шумскій эти посѣщенія...¹⁾

1-го мая 1817 года, я былъ произведенъ въ камер-пажи.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ счастливѣйшій день моей жизни! Юность, весна и первое отличіе упонительно дѣйствовали на меня. День былъ свѣтлый, солнечный и я, въ одномъ новенькомъ камер-пажескомъ мундирѣ, пошелъ по Фонтанкѣ въ большую Миліонную, гдѣ тогда жила моя тетка Елисавета Яковлевна Багговутъ. Но мое довѣріе къ петербургскому маку, какъ часто бываетъ въ жизни съ каждымъ излишнимъ довѣріемъ, не осталось безнаказаннымъ, къ вечеру я почувствовалъ сильную простуду. Меня уложили въ постель и дали знать въ корпусъ. Въ постели, въ жару, съ головною болью, я окончилъ день, который началъ такимъ бодрымъ, увѣреннымъ, счастливымъ.

III.

Придворная служба камер-пажей. — Императрица Марія Федоровна.

Черезъ три недѣли я выздоровѣлъ и явился въ корпусъ на камер-пажескую службу. Камер-пажей было 16: изъ нихъ 8 назначались къ двоствующей императрицѣ и дежурили каждый день по два съ 11-ти часовъ дня до 11-ти часовъ вечера. Осталь-

¹⁾ О Шумскомъ смотри въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XII, стр. 113—122.

ные 8 камер-пажей считались при императрицѣ Елисаветѣ Александровнѣ. Нѣсколько изъ нихъ требовались ежедневно къ обѣденному столу для прислуги членамъ императорской фамиліи и въ праздники для выхода въ церковь. Прежде изъ нихъ отдѣлялись камер-пажи и къ великимъ князьямъ. Поступая въ корпусъ, я засталъ еще тамъ камер-пажа великой княгини Екатерины Павловны, несмотря на то, что она была уже въ Штутгартѣ и не имѣла своего двора въ Петербургѣ. Ея камер-пажъ продолжалъ носить мундиръ съ желтымъ воротникомъ, цвѣтомъ двора герцога Ольденбургскаго. Камер-пажъ этотъ былъ несчастный Богдановичъ. Онъ былъ выпущенъ въ Измайловскій полкъ.— 14-го декабря, въ день присяги императору Николаю, Измайловскій полкъ и коннопионерный эскадронъ, въ которомъ я тогда служилъ, были выстроены на дворѣ Горновскаго дома, вокругъ аналая, у котораго ожидалъ священникъ въ полномъ облаченіи. Приѣхалъ дивизионный начальникъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ и, послѣ обычнаго привѣтствія солдатамъ, пригласилъ полкового командира, генерала Мартынова, прочитать присяжный листъ. При провознесеніи имени императора Николая Павловича, Богдановичъ, а за нимъ и нѣсколько солдатъ его роты закричали: «Константину!». Мартыновъ, пораженный удивленіемъ, остановился, взглянулъ вопросительно на Бистрома, но тотъ со свойственнымъ ему хладнокровіемъ сказалъ: «продолжайте». Присяга была прочитана, хотя и продолжались негромкіе крики: «Константину!». Священникъ обошелъ ряды съ крестомъ и полкъ въ порядкѣ отвелъ въ казармы. Богдановичъ, такъ явно обнаружившій свое участіе въ заговорѣ, тогда еще никому неизвѣстному, приѣхалъ въ свою квартиру и приготовленнымъ заранѣе пистолетомъ застрѣлился. Это была первая жертва печальнаго дня 14-го декабря 1825 г.

Я былъ назначенъ камер-пажемъ императрицы Маріи Федоровны. Павловскъ былъ постояннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императрицы, но каждую недѣлю она приѣзжала въ Петербургъ: посѣщала женскія заведенія, которыя находились подъ ея начальствомъ, обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ и послѣ обѣда возвращалась въ Павловскъ. Въ одинъ изъ такихъ приѣздовъ я былъ представленъ императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ, а чрезъ нѣ-

сколько дней, въ субботу, былъ отправленъ на недѣльное дежурство въ Павловскѣ.

Это была первая и послѣдняя недѣля моей камер-пажеской службы при Маріи Федоровнѣ, потому что, по возвращеніи моемъ въ корпусъ, я вскорѣ былъ назначенъ камер-пажемъ въ принцесѣ прусской Шарлоттѣ, нареченной невѣстѣ в. к. Николая Павловича.

Въ любимомъ своемъ Павловскѣ, Марія Федоровна отдыхала отъ придворнаго этикета и блеска двора. Здѣсь окружила она себя всѣмъ, что могло напоминать ей о прошедшемъ. Кабинетъ императора Павла свято сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при немъ, и камер-фурьеръ его, Сергѣй Ильичъ Крыловъ, продолжалъ носить мальтійскій мундиръ вмѣсто придворнаго. Во внутреннихъ комнатахъ императрицы хранились рисунки, записки и работы августѣйшихъ ея дѣтей. Въ саду были воздвигнуты памятники: родителямъ императрицы и усопшимъ княгинямъ: Еленѣ Павловнѣ Мекленбургской и Александрѣ Павловнѣ палатинѣ Венгерской. Часто приходила она къ этимъ памятникамъ и, удаляясь отъ сопровождавшихъ ее дежурныхъ фрейлины и камер-пажа, на минуту останавливалась и съ тихою молитвой приклоняла голову. Ея любящее сердце и въ настоящемъ счастіи не чуждалось воспоминаній прежнихъ горькихъ утратъ.

Но и здѣсь, въ Павловскѣ, Марія Федоровна не оставляла трудовъ и заботъ на пользу основанныхъ или пересозданныхъ ею воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній. Въ 6 часовъ утра она уже сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занимаясь дѣлами, читая донесенія, просьбы о помощи, иногда даже переписку нѣкоторыхъ воспитанницъ, которыми она интересовалась по особеннымъ ихъ семейнымъ обстоятельствамъ. Въ первомъ часу гуляла въ саду или каталась въ колясѣ по парку. Въ два часа былъ обѣдъ. Послѣ обѣда снова занималась дѣлами и читала. Въ семь часовъ собиралось небольшое общество придворныхъ и гостей, приглашенныхъ изъ Петербурга, и бесѣда продолжалась до 10-ти часовъ. Тогда подавали небольшой ужинъ. Ужинали на отдѣльныхъ столикахъ группами. Въ 11 часовъ императрица удалялась во внутренніе покои.

Марія Федоровна любила служеніе камер-пажей. Она къ нему привыкла. Отправлялся-ли дворъ на 9 мѣсяцевъ въ Москву, вы-

ѣзжала-ли императрица на недѣлю въ Петергофъ, или на одинъ день въ Ораніенбаумъ, или на нѣсколько часовъ на маневры, всюду слѣдовали за нею камер-пажи. Мнѣ пришлось даже ѣздить на корабль, на которомъ, во время морскихъ маневръ, подъ Кронштадтомъ, былъ приготовленъ обѣдъ для императорской фамилии. Послѣ этого обѣда государь съ великими князьями, взявъ солдатскія матроскія ружья, стали въ шеренгу и государь приказалъ поручику В. Ѡ. Адлербергу, адъютанту в. в. Николаю Павловича, прокомандовать всѣ ружейные приемы. Государь дѣлалъ ихъ съ улыбкою, какъ бы шутя, великіе князья серьезно и старательно.

Каждый день за обѣдомъ, фамильнымъ или съ гостями, камер-пажи служили у стола царской фамилии. Особенное вниманіе и осторожность нужны были при услуженіи Маріи Ѡедоровнѣ. Камер-пажъ долженъ былъ ловко и въ мѣру придвинуть стулъ, на который она садилась; потомъ, съ правой стороны, подать золотую тарелку, на которую императрица клала свои перчатки и вѣеръ. Не поворачивая головы, она протягивала назадъ черезъ плечо руку съ тремя соединенными пальцами, въ которые надобно было вложить булавку; эту булавку императрица прикалывала себѣ въ груди салфетку. Предъ особами императорской фамилии, за которыми служили камер-пажи, стояли всегда золотыя тарелки, которыя не мѣнялись въ продолженіи всего обѣда. Каждый разъ, когда подносилось новое блюдо, камер-пажъ долженъ былъ ловко и безъ стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую, съ оставленнымъ на ней приборомъ, онъ принималъ и на золотой тарелкѣ подносилъ чистый приборъ взамѣнъ принятаго. По окончаніи обѣда, такимъ же образомъ, подносились на золотой тарелкѣ перчатки, вѣеръ и прочее переданное при началѣ обѣда. Тогда были въ модѣ длинныя, лайковыя перчатки и камер-пажи съ особеннымъ стараніемъ разглаживали и укладывали ихъ предъ тѣмъ, чтобы поднести. Камер-пажи служили за обѣдомъ безъ перчатокъ и потому особенное стараніе обращали на свои руки. Они холили ихъ, стараясь разными косметическими средствами сохранить мягкость и бѣлизну кожи.

Императрица была особенно милостива къ своимъ камер-пажамъ. При выпускѣ въ офицеры, они получали отъ нея золотыя часы въ награду. Она интересовалась ихъ семейнымъ положе-

ніемъ и успѣхами въ наукахъ. Выходя изъ кабинета, она любила заставить камер-пажа за книгой или тетрадью; часто спрашивала, а иногда и сама смотрѣла, что читается, прибавляя: «C'est bien, c'est très bien. Etudiez toujours, lisez, mais pas de bêtises, pas de romans».

Увидѣвъ у камер-пажа Философова тетрадь «Economie politique», она послала его въ Шторху, находившемуся тогда при ней, чтобы тотъ просмотрѣлъ тетрадь и донесъ ей, хорошо-ли въ корпусѣ преподають «Политическую экономію». Камер-пажъ Шепелевъ долго не могъ выдержать выпускного экзамена; это знала императрица. Предъ послѣднимъ экзаменомъ она спрашиваетъ, надѣется-ли онъ нынѣшній годъ выдержать экзаменъ? Шепелевъ отвѣчаетъ, что надѣется, только боится математики. Императрица приказываетъ ему каждое дежурство привозить съ собою аспидную доску, добавляя, что сама будетъ просматривать его математическія задачи. И Шепелевъ каждый разъ на дежурство во дворецъ отправлялся съ аспидной доской и курсомъ Войцеховскаго.

Въ мое время императрица Марія Федоровна сохраняла еще слѣды прежней красоты. Тонкія, нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка заявляли въ ней мать Александра. Она была, также какъ и онъ, немного близорука, хотя рѣдко употребляла лорнетку. Довольно полная, она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движенія и походка ея были не совсѣмъ развязны. Току съ страусовымъ перомъ на головѣ, короткое платье декольте съ высокою короткой таліей и съ буфчатыми рукавчиками, на голой шеѣ ожерелье, у лѣваго плеча, на черномъ бантѣ, бѣлый мальтійскій крестикъ, бѣлыя длинныя лайковыя перчатки, выше локтя, и башмаки съ высокими каблучками, составляли ежедневное одѣяніе императрицы, исключая торжественныхъ случаевъ.

Она говорила скоро и не совсѣмъ внятно, немного картава. Надобно было имѣть большое вниманіе и привычку, чтобы понимать каждое слово, но она никогда не сердилась, если камер-пажъ не сразу понималъ ея приказаніе.

Въ продолженіи двухъ дѣтъ, почти ежедневно я имѣлъ счастье видѣть императрицу Марію Федоровну, то окруженную блестящимъ дворомъ, котораго она была представительницей; то въ

домашнемъ кругу царской семьи, которой она была душою; и въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ я не помню ни одного дня, въ который бы она казалась болѣе утомленною или озабоченною: всегда ровная, милостивая, добрая.

IV.

Вѣздъ принцессы Шарлотты.—Обрученіе и бракосочетаніе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

22-го іюня 1817 года былъ назначенъ торжественный вѣздъ принцессы прусской Шарлотты. На 7-й верстѣ отъ Петербурга по царсковельской дорогѣ, въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ посее, стоялъ двух-этажный каменный домъ съ бельведеромъ и садомъ. Этотъ домъ принадлежалъ пастору Коленсу и въ немъ помѣщался тогда его пансіонъ, о которомъ я уже говорилъ. Здѣсь были приготовлены золотыя кареты для торжественнаго вѣзда въ столицу высоконазначенной невѣсты. Здѣсь обѣ императрицы и она должны были перемѣнить свой дорожный туалетъ и здѣсь же въ первый разъ я представился великому князю Николаю Павловичу. Онъ тотчасъ повелъ меня къ принцессѣ Шарлоттѣ, бывшей еще въ сѣромъ, дорожномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. «Voilà votre page!» — «Ah je suis charmée», сказала она, протягивая мнѣ руку, и тотчасъ прибавила: «je vous prie, monsieur, apportez moi mon parasol, il doit être dans la voiture».

Я бросился на дворъ къ дорожной каретѣ и, съ гусарами императрицы, перерылъ всѣ подушки, перешарилъ всѣ углы, но зонтикъ не отыскался. Возвращаться на верхъ съ пустыми руками, мнѣ было совѣстно. Эта неудача казалась мнѣ почти несчастіемъ, я былъ смущенъ, близокъ къ отчаянію. Вѣроятно все это отражалось и на лицѣ моемъ, потому что великій князь, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, съ удивленіемъ спросилъ:

— Что съ тобой?

Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся и сказалъ: «не велика бѣда! найдется другой, ступай скорѣе на верхъ; императрицы сейчасъ выйдутъ».

И точно; едва успѣлъ я присоединиться къ своимъ товарищамъ, какъ вышли императрицы и принцеса. Проводивъ ихъ до кареты, я едва успѣлъ сѣсть на приготовленную мнѣ лошадь.

какъ это умное животное понеслось догонять карету и, пробравшись въ лѣвому, заднему колесу, пошло церемоніальнымъ ходомъ.

Въѣздъ былъ блестящій. Въ золотой каретѣ—ландо, запряженной шестью лошадьми, ѣхали обѣ императрицы и принцеса, по обѣ стороны камер-пажи и шталмейстеръ верхами. Гвардія была разставлена шпалерами и, по проѣздѣ придворныхъ экипажей, слѣдовала за ними на Дворцовую площадь, гдѣ проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо императора, стоявшаго подъ балкономъ, съ котораго смотрѣли императрицы и принцеса. Послѣ парада я проводилъ великаго князя и его невѣсту въ назначенныя для нея комнаты, гдѣ ожидалъ ее законоучитель Музовской, въ черной одеждѣ, въ бѣломъ галстухѣ и безъ бороды; трудно было признать въ немъ нашего православнаго священника. Онъ постоянно долженъ былъ находиться въ пріемной принцесы; чтобы, пользуясь каждымъ свободнымъ часомъ, помогать ей выучить наизусть символъ вѣры, который она должна была произнести при обрядѣ миропомазанія.

Эта торжественная церемонія совершилась 24-го іюня; послѣ входа императорской фамиліи въ церковь, когда императрица Марія Ѳеодоровна взяла за руку принцесу Шарлотту и подвела ее къ митрополиту, стоявшему въ царскихъ дверяхъ, началось священнодѣйствіе. Принцеса, хотя нѣсколько взволнованная, произнесла громко и твердо символъ вѣры. Любящій и одобряющій взоръ императрицы не покидалъ ее. Потомъ проводила она ее къ святому причащенію.

25-го іюня, въ день рожденія в. в. Николая Павловича, было обрученіе. Посреди церкви было приготовлено возвышенное мѣсто, покрытое малиновымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ. Предъ царскими дверями поставленъ былъ аналой, на которомъ лежали св. евангеліе и крестъ, а подлѣ аналая небольшой столикъ для обручальныхъ колецъ и свѣчъ на золотыхъ блюдахъ. Государь подвелъ великаго князя, а императрица Марія Ѳеодоровна высокобрачную невѣсту. Митрополитъ Амвросій, принявъ вынесенныя изъ алтаря кольца, возложилъ ихъ при обычной молитвѣ на руки обручающихся, а императрица Марія Ѳеодоровна обмѣняла ихъ перстнями. Въ церкви приняли поздравленіе высокообрученные отъ императорской фамиліи и духовенства.

Въ этотъ день былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ:

«Божією милостію, мы, Александръ первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч. Всемогущій Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, излившій въ недавнія времена толикія милости и щедроты на Россію, обращаетъ и нынѣ милосердый на нее взоръ свой. Волѣ его святой угодно, да умножится россійскій императорскій домъ, и да укрѣпится въ силѣ и славѣ своей родственными и дружескими союзами съ сильнѣйшими на землѣ державами. Помазанію и благословенію Того, въ Его же десницѣ сердце царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей родительницы нашей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, мы совокупно съ его величествомъ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III положили на мерѣ, избрать дочь его, свѣтлѣйшую принцесу Шарлотту, въ супруги вселюбезнѣйшему брату нашему вел. кн. Николаю Павловичу, согласно собственному его желанію. Сего іюня въ 24-й день¹⁾ по благословенію и благодати Всевышняго воспріяла она православное грекороссійскія церкви исповѣданіе¹⁾ и при святомъ миропомазаніи наречена Александрой Ѳеодоровной;¹⁾ а сего жъ іюня 25-го дня, въ присутствіи нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, въ придворной Зимняго дворца соборной церкви, совершено предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, повелѣваемъ ее, свѣтлѣйшую принцесу именовать великой княжной съ титуломъ ея императорскаго высочества. Данъ въ престольномъ нашемъ градѣ Санкт-петербургѣ, іюня 25-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817, царствованія нашего въ седьмое на десять».

Этотъ манифестъ замѣчателенъ и какъ пророчество и какъ всенародная исповѣдь того чувства христіанскаго смиренія и пламенной вѣры, которая такъ сильно была возбуждена въ Александрѣ I счастливымъ исходомъ отечественной войны.

1-го іюля 1817 г., въ день рожденія великой княгини, было совершено бракосочетаніе,—но я въ этотъ день не былъ дежур-

¹⁾ Напечатанныя разрядкой строки въ подлинномъ манифестѣ, составленномъ А. С. Шишковымъ, написаны собственноручно императоромъ Александромъ I. См. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. изд. первое, т. I, стр. 146—147.

нымъ, а только за большимъ обѣдомъ служилъ великому князю и находился на балѣ съ другими камер-пажами.

Эти балы при дворѣ были въ то время довольно часты. Они назывались *bals parés* или куртаги и состояли изъ однихъ польскихъ. Государь съ императрицей Маріей Федоровной, в. к. Константинъ съ императрицей Елисаветой Алексѣвной, в. к. Николай съ великой княгиней, в. к. Михаилъ съ принцессой Виртембергской, а зади ихъ генерал-адъютанты и придворные кавалеры съ придворными дамами по-парно, при звукахъ польскаго, входили въ бальную залу. Къ нимъ присоединялись пары изъ собравшихся уже гостей. Государь, обойдя кругомъ залу, поклонясь, оставлялъ императрицу и перемѣнялъ даму. При перемѣнѣ дамъ онъ строго наблюдалъ старшинство чина и общественное положеніе ихъ мужей. Императоръ шелъ въ первой парѣ только открывая балъ, потомъ обыкновенно онъ шелъ во второй. Одинъ изъ генерал-адъютантовъ вель польскій, незамѣтно наблюдая, насколько интересуется государь своей дамой и продолжается-ли разговоръ, судя по этому, онъ продолжалъ или кончалъ кругъ. Когда Александръ шелъ съ прелестной княгиней Трубецкой, рожденной Вейсъ, или другою интересной дамой, польскій переходилъ и въ другія комнаты.

Во время бала великій князь шепнулъ мнѣ: «пора перемѣнить мундиръ». Онъ желалъ, чтобы камер-пажи великой княгини имѣли на мундирахъ синіе воротники, цвѣта, присвоеннаго придворному штату двора великаго князя. Такіе мундиры и были уже у насъ съ Шереметевымъ заготовлены и мы въ нихъ представлялись на смотръ великому князю въ Аничковскомъ дворцѣ. Но государь рѣшилъ, что такъ какъ камергеры и камер-юнкера, состоящіе при великомъ князѣ, были отъ большого двора, то и камер-пажи не должны были носить другого мундира. Передъ концемъ бала государь и государыня Елисавета Алексѣвна поѣхали въ Аничковскій дворецъ, чтобы встрѣтить высокихъ новобранныхъ. Вслѣдъ за ними тронулся и поѣздъ. Впереди эскадронъ лейб-гв. гусаръ съ обнаженными саблями, потомъ кареты съ придворными высшими чинами и дамами. Гофмейстеръ пажей, полковникъ Клингенбергъ, а за ними, верхами, 8 камер-пажей, въ числѣ которыхъ былъ и я, потомъ шли скороходы, эскадронъ конной гвардіи и наконецъ карета въ 8 лоша-

дей, въ которой сидѣли императрица Марія Ѳеодоровна, высокобрачная и принцъ прусскій Вильгельмъ. За каретой, верхами, обер-шталмейстеръ, шталмейстеръ, дежурные камер-пажи и адъютанты великаго князя; въ слѣдующей каретѣ, ѣхали в. к. Константинъ и Михаилъ Павловичъ и принцесы Виртембергскія. Съ прибытіемъ поѣзда въ Аничковъ дворецъ моя служба кончилась, но возвращаться въ корпусъ еще было рано и не хотѣлось и я, съ товарищемъ княземъ Голицынымъ, пошла на Невскій бульваръ. Въ то время этотъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ тощими липками, занималъ средину проспекта по образцу «Unter den Linden» въ Берлинѣ. Ночь была теплая, свѣтлая, тихая; плошки мерцали по тротуарамъ, тогда не знали другой иллюминаціи. На бульварѣ двигалась пестрая, веселая толпа гуляющихъ, въ ожиданіи обратнаго поѣзда императора и императрицы въ Зимній дворецъ.

Въ память совершившагося бракосочетанія, я, какъ камер-пажъ в. к. Александры Ѳеодоровны, получилъ перстень, съ аметистомъ и брилліантами. На другой день я былъ дежурнымъ и въ 11 часовъ утра явился въ Аничковъ дворецъ. Не зная, гдѣ ожидать приказаній, я прошелъ до большого приѣмнаго зала съ балкономъ въ садъ. Въ комнатѣ никого не было, двери на балконъ были открыты, я пошелъ къ нимъ, но въ это самое время открылись двери внутреннихъ покоевъ и вышли повбращные. Великій князь, въ сюртукѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, обнявъ великую княгиню, которая была вся въ бѣломъ, подошли ко мнѣ. Я проговорилъ поздравленіе. Великая княгиня подала мнѣ поцѣловать руку, а великій князь говорилъ о неудачѣ съ синимъ воротникомъ. Меня отпустили съ приказаніемъ ожидать великую княгиню въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ день былъ назначенъ большой обѣдъ на половинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

V.

Павловскъ.—Великій князь Николай Павловичъ.

Своро императорская фамилія оставила Петербургъ. Государь съ государыней Елисаветой Алексѣевной переѣхали въ Царское Село, в. к. Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву, императрица Марія Ѳеодоровна, в. к. Николай съ великой

княгиней, в. к. Михаилъ Павловичъ и принцъ прусскій переехали въ Павловскъ.

Въ Павловскомъ дворцѣ помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая и церковь. Молодая княжеская чета жила въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полузруглою открытою галереей, чрезъ которую и приходилось проходить по нѣскольку разъ въ день. Внизу этого флигеля помѣщалась гауптвахта офицерскаго гусарскаго караула и неизбѣжный шумъ отъ караула пронивалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе, темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными чрезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою, подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галерею. Здѣсь обыкновенно я ожидалъ великую княгиню, и когда отворялась дверь во флигелѣ и показывался великій князь съ великою княгиней, я бралъ подсвѣчникъ и, неся его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впередъ, чтобы хотя немного освѣтить дорогу. Эта продѣлка забавляла веселую великую княгиню, и она каждый разъ, смѣясь, говорила: «Mergsi, mergsi rage, благодарствуй». На балконѣ я ставилъ свѣчу на прежнее мѣсто, на полъ, и, принявъ отъ камердинера великой княгини работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть съ собою, слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ; освѣщалась одна лѣстница. Станнымъ кажется теперь это госпитальное освѣщеніе комнатъ императорскаго дворца.

На первой недѣлѣ моего дежурства въ Павловскѣ, 15-го іюля, было бракосочетаніе адъютанта великаго князя, поручика 1-го Литовскаго полка, Владиміра Федоровича Адлерберга съ Маріей Васильевной Нелидовой, фрейлиной императрицы Маріи Федоровны. Обрядъ совершался въ дворцовой церкви. Великій князь Николай Павловичъ и двоюродный братъ невѣсты, Кирилл Александровичъ Нарышкинъ, были посаженными отцами, великая княгиня Александра Федоровна и тетка невѣсты, статс-дама Марія Алексѣевна Нарышкина, посаженными матерями новобрачныхъ. Родныхъ у Адлерберга было немного: его мать—начальница Смоль-

наго монастыря, сестра Юлія Федоровна Баранова и моя тетка, жена родного дяди Владиміра Федоровича, Елисавета Яковлевна Баггвуть. Я былъ назначенъ держать вѣнецъ надъ женихомъ; надъ невѣстой держалъ вѣнецъ ея родственникъ, Аркадій Аркадьевичъ Нелидовъ (братъ Варвары Аркадьевны Нелидовой), юноша, готовившійся поступить юнкеромъ въ кавалергарды. Послѣ брачной церемоніи у императрицы Маріи Федоровны былъ балъ и ужинъ. Особенный столъ былъ приготовленъ для императорской фамиліи, новобрачныхъ и ихъ родственниковъ. Поднялся вопросъ, могу-ли я, въ званіи шафера, сидѣть за столомъ? императрица Марія Федоровна, строгая къ этикету, рѣшила этотъ вопросъ отрицательно; это поразило мое камер-пажеское самолюбіе, такъ какъ я считалъ свое званіе несравненно выше званія недоросля изъ дворянъ, будущаго юнкера гвардіи. Но это было минутное неудовольствіе и я принялся служить моей великой княгинѣ у стола, за которымъ сидѣла моя тетушка и шаферъ невѣсты Нелидовъ.

Въ Константиновскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ в. к. Михаилъ Павловичъ, помѣщался прусскій принцъ Вильгельмъ, нынѣшній маститый императоръ Германскій. Тогда онъ былъ красивый, статный, веселый и любезный юноша. Онъ походилъ лицомъ и нравомъ на великую княгиню, которая любила его болѣе другихъ братьевъ и часто, говоря о немъ, называла *mein Liebling*. Однажды, играя съ собакою великаго князя Михаила Павловича, онъ былъ ею укушенъ въ ногу. Доктора, опасаясь послѣдствій, нашли нужнымъ прижечь небольшую ранку и на нѣсколько дней не позволять принцу выходить изъ комнатъ. На другой день послѣ этого происшествія великая княгиня послала меня узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, я встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились и я началъ говорить, впередъ приготовленную, французскую фразу о спокойной ночи и о хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ моихъ словахъ: *«Votre Altesse Impériale»*.... великій князь, смотря на меня и сдѣлавъ комически серьезную мину, началъ повторять за мной каждое слово, картавя еще болѣе моего. Великая княгиня захохотала, а я, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить.

Къ счастью, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проводя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, я стоялъ невеселый въ приемной, когда великій князь, вышедши изъ комнаты великой княгини, подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ; благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ меня еще одинъ разъ, отпустилъ до вечера. Этотъ урокъ остался мнѣ памятенъ на всю жизнь.

Выдающаяся черта характера великаго князя Николая была—любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускнаго. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній; сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна коварды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку; все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что-либо изъ манеръ императора, но даже в. к. Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, не натурально, а у Константина Павловича даже утрировано, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера, не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности красоты, которая въ императорѣ такъ невольно поражала cadaго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камняхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія

нравиться; даже натуральная веселость его, смѣхъ какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастья, которое, наполняя душу юности, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ былъ иногда веселъ до шалости. Я помню, какъ въ одинъ лѣтній день императрица, великій князь съ супругою и камер-фрейлина Нелидова вышли на терасу павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой, это была сухощавая, небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова просить о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова въ будкѣ, выноситъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки.

Императрица Марія Федоровна старалась разнообразить Павловскіе вечера. При хорошей погодѣ ѣздили пить чай и ужинать въ Розовой или Елисаветинскій павильонъ или на ферму. Иногда, для забавы общества, приглашались проѣзжіе фокусники съ учеными обезьянами, собаками. Однажды пили чай въ розовомъ павильонѣ. Явился итальянецъ во фракѣ, въ башмакахъ съ трехугольной шляпой подъ мышкой и ввелъ въ залу маленькую лошадку, которая кланялась, сгибая переднія ноги, и выбивала копытомъ отвѣты на заданные вопросы о числѣ гостей, часовъ и проч. Вдругъ лошадка подозрительно поднимаетъ хвостъ и надувается. Великій князь притворно-грозно взглядываетъ на итальянца, а тотъ сконфуженный бросается въ лошадкѣ и подставляетъ свою новенькую трех-уголку, чтобы сберець нарветъ залы Розоваго павильона. Фрейлины закрываются вѣрами, всѣ смѣются, а великій князь болѣе всѣхъ.

Въ дурную погоду, собирались въ нижней залѣ дворца, съ выходомъ въ садъ. Тамъ иногда было литературное чтеніе; читали: Жуковский, Уваровъ, Плещеевъ; дамы занимались вышиваньемъ, а великій князь чертилъ карикатуры. Обыкновенно, при началѣ чтенія императрица отпускала насъ, а если она за-

бывала, то мы старались напомнить о нашемъ присутствіи острожнымъ шарканьемъ ногъ. Отпущенные, мы бѣжали въ садъ и въ публикѣ, которая толпилась у оконъ залы, отыскивали знакомыхъ намъ гусарскихъ офицеровъ и возвращались только къ началу ужина.

Но эти вечера были не часты и, кажется, немногіе ихъ любили. Чаще всего играли въ фанты и въ такъ называемыя *chagades en action*. Шарады эти всегда придумывалъ великій князь и самъ же исполнялъ ихъ. Я помню шараду *tarage*, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго великій князь поднялъ такой шумъ, что императрица и великая княгиня, закрывъ уши, вскричали: *«assez de tarage, assez»*. Другая шарада, вызвавшая всеобщій смѣхъ и одобреніе, была *«congruence»*, исполненная однимъ великимъ княземъ. Сперва онъ весьма искусно подражалъ звуку рожка, потомъ прошелся, дѣлая гримасы и зажимая носъ; потомъ явился съ билиарднымъ кіемъ, который держалъ какъ копые, наконецъ пришелъ обвязанный подушками и съ трудомъ, какъ бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарады всегда исполнялись безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной билиардной комнатѣ. Такъ просты, такъ незатѣйливы были Павловскіе вечера императрицы, а какъ веселы и оживлены были они!

Великій князь былъ очень воздерженъ въ пищѣ, онъ никогда не ужиналъ, но обыкновенно при проносѣ соленыхъ огурцовъ, пилъ ложки двѣ огуречнаго рассола; сморкался онъ продолжительно и громко, и тогда императрица, обращаясь къ великой княгинѣ, обыкновенно говорила съ улыбкою: *«Unser grosser Trompeter fängt schon wieder an»*. Но мнѣ великій князь былъ особенно милостивъ. Я былъ очень худощавъ, вѣроятно отъ роста; часто великій князь, подходя ко мнѣ, спрашивалъ: «что ты такъ худѣешь, не шалишь-ли?» И потомъ уговаривалъ беречь здоровье и силы, необходимыя для будущаго счастья. Это милостивое вниманіе къ юношѣ, эта снисходительная забота о его здоровьи проявляютъ, безъ сомнѣнія, черты душевной доброты великаго князя, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ былъ очень молодъ и очень счастливъ, а молодость и счастье эгоистичны.

Въ концѣ августа, въ одно воскресенье, въ церкви, во время

литургіи, великой княгинѣ сдѣлалось дурно. Великій князь почти на рукахъ вынесъ ее и привелъ во флигель. Я былъ дежурнымъ и слѣдовалъ за ними. Успокоившись на счетъ здоровья великой княгини, великій князь вышелъ изъ ея комнаты и подошелъ ко мнѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ онъ меня.

— Семнадцать, — отвѣчалъ я ему.

— Вотъ видишь, — продолжалъ онъ весело, — я тебя старше только четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этомъ онъ поцѣловалъ меня; лицо его сіяло счастьемъ. Въ тотъ же день начали при дворѣ говорить о беременности великой княгини.

Вскорѣ была рѣшена поѣздка императорской фамилиі въ Москву. Камер-пажей раздѣлили на двѣ категоріи. Одна половина должна была остаться въ Петербургѣ для выдержанія экзамена и производства въ офицеры-гвардіи, другая должна была отправиться въ Москву. Я, хотя по наукамъ и могъ выдержать экзаменъ, но былъ слишкомъ молодъ, камер-пажество мнѣ очень нравилось и поѣздка въ Москву меня соблазнила, а потому я отказался отъ офицерства. Мой товарищъ Шереметевъ предпочелъ остаться въ Петербургѣ и вышелъ въ Кавалергардскій полкъ.

Въ двухъ большихъ придворныхъ каретахъ повезли насъ 8 камер-пажей въ Москву, съ нами отправили гувернера-полковника Дессимонъ. Двѣ придворныя коляски съ нашими служителями и поклажей слѣдовали за нами. Такихъ придворныхъ колясокъ, которыя употреблялись тогда при переѣздѣ двора, теперь уже нѣтъ. Кузовъ висѣлъ на ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ стойкамъ на осяхъ. Эти колымаги были непокойны и некрасивы, но помѣстительны. Мало осталось теперь людей, которые ѣздили еще по прежней бревенчатой, до шоссеиной, московской дорогѣ. Путешествіе по ней было своего рода испытаніемъ терпѣнія. Но для насъ, юношей, это пятидневное путешествіе, при постоянно хорошей погодѣ, казалось веселой прогулкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).